

ствии русской, карельской и финской сказочных традиций (сюжет «Подменная невеста») // Фольклористика Карелии / Науч. ред. Э. С. Киуру, Н. А. Криничная. Петрозаводск, 1983; *Разумова А. П.* Об изучении современного состояния традиционного фольклора Карельского Поморья // Фольклористика Карелии / Науч. ред. Э. С. Киуру, А. П. Разумова. Петрозаводск, 1978.

³⁴ См.: *Зеленин Д. К.* Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954 / Вст. ст., сост., подгот. текста и ком. Т. Г. Ивановой. М., 2004. С. 19–44; *Вийдалепп Р. Я.* Исполнение народных сказок как производственно-магический обряд // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1969. Т. 6. С. 259–265; *Трояков П. А.* Магическая функция сказывания в сюжетосложении архаической сказки // Эстетические особенности фольклора. Улан-Удэ, 1969. С. 72–81; *Разумова И. А.* Повествовательная стереотипия в волшебной сказке (к постановке вопроса) // Фольклористика Карелии / Науч. ред. Э. С. Киуру, Н. А. Криничная. Петрозаводск, 1983. С. 158–179.

³⁵ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. Кн. 1. СПб., 1998 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 1). С. 48.

³⁶ Н. Е. Ончуков записал чрезвычайно показательную в этом отношении сказку, описывающую «чудо чудное», произошедшее в лесной избушке во время промисла, когда «облупленный заяц скочил и убежал» // Северные сказки. С. 9, 28.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ См.: Северные сказки. С. 33. Сказка «Царь Агапий и дочь его Елизавета».

³⁹ Там же. С. 32.

В. А. Аганитов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ШУНЬГА И ПРОЗВИЩА ГЛУПА ШУНЬГА

В исторической ретроспективе Шуньга – центр одного из трех погостов Заонежского полуострова, а также село, где на протяжении длительного времени проводились знаменитые Шуньгские ярмарки. Издавна Шуньга экономически тяготела к Карельскому Поморью. В некоторых рунах калевальской традиции сохранилась отчетливая память о связях Шуньги с древними карельскими родами Беломорья. Есть основания предполагать, что на раннем этапе своего существования Шуньга была саамско-карельским «лопским» поселением, центром относительно большого региона, это в итоге привело к стягиванию к Шуньге различных этнических групп – ведь не трудно заметить, что именно в районе Шуньги сходятся границы расселения людиков, ливвиков и собственно карел. Еще задолго до появления здесь ярмарок через Шуньгу уже существо-

вал водноволокной, а затем и зимний санный путь¹. Именно в районе Шуньги была д. Региматка (дословно «санный путь»).

В местной топонимии отчетливо прослеживается экспансия древней Шуньги. Так, к югу от Шуньги («на верх») находился куст деревень Пайницы (Паяницы), возможно, из саамского *rajj* «верхний». Еще южнее – д. Керака и Керацкое озеро (в документах XVI столетия отмечены как деревни на Верхнем озере – ср. саам. *kerag* «верхний»). Северо-западной границей Шуньги когда-то служили два озера – Верхнее и Нижнее Пигмозеро. На востоке крайним шуньгским пределом была д. Шуньгский Бор, а на севере – Шуньгский Наволок. Шуньгская губа – вероятно, один из этапов проникновения Шуньги в юго-западном направлении.

О происхождении названия Шуньга в настоящее время существуют две основные гипотезы. Первая, предложенная финским ученым Я. Калима, связывает возникновение этого топонима с языком древней Мери. Калима приводит сходные по звучанию географические названия Костромской и Кировской областей (Шунга, Шунганур и т.п.)². К сожалению, пока не имеется убедительных свидетельств проживания Мери в северном Обонежье.

Вторая известная версия происхождения названия Шуньга принадлежит крупнейшему знатоку саамского языка Т. Итконену, а также исследователю карельской гидронимии В. Лескинену, считавшим, что в основе названия Шуньга саамское *suenn* – «заливные покосы на болоте, уголок болота»³. По мнению В. Лескинена, в этом же ряду и несколько других названий Карелии (Шонга – озеро и река, бассейн р. Шуи; Шонга – река, бассейн р. Сегежи; Шогаярви – озеро, бассейн р. Шуи). На Кольском полуострове зафиксированы следующие названия – д. Шонгуй, п. Шонгай, поселение *Soanga-siidt*, гора *Soangavart*. В Финляндии имеется также немало топонимов подобного типа (*Sonka, Sonkakivalo, Sonkavaara, Sonkaolja* и т.п.)⁴.

Отдавая должное предыдущим исследователям, нам хочется высказать новое предположение относительно происхождения названия Шуньга. Нам представляется, что в контексте данного вопроса необходимо обратиться к саамской лексике. К примеру, во многих саамских говорах отмечена лексема *Sogg, Songk, Sonke, Sang* в значении «спальное место в углу коды, угол коды»⁵. В более ранних записях от саамских информантов зафиксировано слово *sunka* в значении «угол; потайное место». На саамско-финском языковом пограничье встречается слово *sonkelo* в значении «угол; окраина»⁶. Причем возникает впечатление, что когда-то саамская лексема имела значительно более широкий семантический спектр, включая, видимо, и географическую ландшафтную лексику. Об этом напоминает саамское слово *soann'k* в значении «тыл; задняя сторона чего-либо»⁷.

Учитывая природное положение исторической Шуньги, можно предположить, что в основе заонежского ойконима содержится именно саамское слово *soaŋŋ'k, *sang в значении «крайняя часть озера, залива», что, несомненно, близко по значению к прибалтийско-финскому географическому термину *soppi*, *šip* в значении «угол, край, сторона; тайник; самый конец залива; большой мыс; огороженное место, загон»⁸.

Изменение первоначальной формы названия произошло при усвоении ее одним из прибалтийско-финских языков. В результате усвоения исчезла геминанта *ŋŋ*, а на смену дифтонгу, если он существовал, пришел монофтонг. Превращение первоначального «oa», «o», в «u» обусловлено известной оппозицией саамского «o» и карельского «u» (ср.: *oassk* «вера» и кар. *usko* с тем же значением). Таким образом, возникла карельская форма названия *Sunku*, *Sungu*.

Как известно, местная географическая терминология является одной из наиболее продуктивных как в прибалтийско-финской, так и в саамской ойконимии. Не исключено, что в названии Шуньга мы сегодня имеем ущербную форму первоначального топонима (скорее всего гидронима) – сложного по структуре, но утратившего одну из частей в результате временной эллиптизации.

Итак, наша версия трактует географическое название Шуньга как «крайнюю часть озера» или «самый конец залива». Представленная нами версия названия хорошо коррелируется с ландшафтным положением исторической Шуньги, располагавшейся, как известно, на острове в самой северной части озера Путкозеро.

Интерес представляет и прозвище Шуньги – глупа Шуньга. Как известно, прозвище – это результат табуирования, так как дать прозвище своим соседям означает обезопасить самих себя. Именно по этой причине в прозвищах-эпонимах преобладают иронические наименования, а также используется преимущественно пейоративная лексика (ср.: «дика Пеза» – приток реки Мезени–«Сура-дура» – верховые реки Пинеги) и т. д.⁹ Кстати, побочные прозвища обычно давались иноязычным соседям. В свое время М. В. Витовым было отмечено, что купчая грамота шуньжан, тальвлян, кузوران и челмужан с Вяжеским монастырем от 1375 г. фиксирует совместное проживание в Заонежье русского и прибалтийско-финского населения (об этом отчетливо свидетельствовали нерусские имена старост – Оря, Стойвов, Игоча). Характерно, что купчая заключалась не только от лица соседских общин, но и от имени «племени» – как известно, русские к этому времени племенную структуру уже утратили.

Вернемся к вопросу о прозвище глупа Шуньга. При изучении местной топонимии нами были выявлены отдельные географические названия, которые, если и не инициировали, то могли, по крайней мере, спо-

способствовать сохранению подобного прозвища. Так, к примеру, одна из центральных частей с. Шуньга и поныне зовется как д. Тюльчинская (ср. кар. *tyltšä, tšyiltšä*, кар.-лив. *tülttšü, tšul'tš* «тупой, неумелый, медлительный»). Ближайшим к Шуньге озером является Тельпозеро (в старинных документах Терпозеро) – ср. *tögrpä* «тупой», *tögrpö* «глупый, дурак», *tölrä* «тупой»). Кстати, название озера, возможно, включает лексему, этимологически не связанную с приведенными примерами, но по прошествии времени побудительные мотивы номинации могли быть забыты, а нахождение природного объекта на этноязыковом перекрестке могло спровоцировать на подобное «прочтение» гидронима. В контексте вопроса небезынтересен, думается, и такой факт: прозвища тюльзя, тюльпа(н) еще совсем недавно бытовали в Заонежье в том же значении, что и в языке-первоисточнике. Сами же жители Заонежья обычно связывают возникновение экзонима «глупа Шуньга» со временем Шуньгских ярмарок, когда в село приезжали многочисленные торговцы, давшие якобы шуньжанам это обидное прозвище: «Мол, глупа Шуньга все купит!» Наши наблюдения относительно местных топонимов заставляют взглянуть на этот вопрос иначе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Аганитов Б.* Освоение Заонежья древними вепсами // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 91–94.

² *Kalima J.* Äänisen tienoon paikannimiä // *Virittäjä*. 1941. S. 323–329.

³ *Itkonen T. I.* Koltan ja Kuolanlapin sanakirja // SUS. Helsinki, 1958. S. 532.

⁴ *Лескинен В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1967. С. 84.

⁵ *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // SUS. Helsinki, 1989. S. 124.

⁶ *Itkonen T. I.* Lappalais-suomalaisia sanavertailuja // SUSA. Helsinki, 1916–1920. S. 46.

⁷ Саамско-русский словарь. М., 1985. С. 324.

⁸ *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 90.

⁹ *Дранникова Н. В.* Иноэтнические образы в прозвищном фольклоре // Музей и краеведение на Европейском Севере. Петрозаводск, 2001. С. 57–61.